

Вернувшись в палату, Линь Цзэюй посмотрел на Гоэна, лежавшего в лечебной капсуле, и невольно смахнул слезу, набежавшую на глаза. Он вспомнил, как впервые встретил Гоэна — тогда они оба были еще такими слабыми.

Четырехлетний Линь Цзэюй втайне ускользнул из поля зрения Отца-носителя и брёл неподалеку от зловонной, заваленной всяким хламом свалки. Он уже давно хотел заглянуть сюда: здесь было то, чего он никогда не видел за все свои двадцать шесть лет — впрочем, пожалуй, тридцать один год. Пусть даже это была всего лишь гора мусора, для землянина она казалась удивительной, но Отец-носитель никогда бы не позволил ему сюда соваться.

Эта заброшенная свалка металлолома походила на тусклый, безжизненный камень. Она была заполнена всевозможными отслужившими свой срок механическими деталями, остовами разбитых летательных аппаратов и давно остановившимися приборами. Над мусором витал непередаваемый смрад, напоминавший запах гниющего металла и горелого пластика, который порой прерывался резким скрежетом.

Здесь Линь Цзэюй предпринял свое первое самостоятельное исследование в этом иномирном краю. Каждая железная пластина, каждый поврежденный механический манипулятор заставляли его мысленно замирать от восторга, а искореженный флаер на самом верху и вовсе будоражил воображение — в конце концов, редкий мальчишка сможет устоять перед искушением машин.

Внезапно в каком-то углу Линь Цзэюй заметил тихо лежавшую скорлупу. Подойдя ближе, он обнаружил, что эта скорлупа некогда вынашивала новую жизнь, но, к несчастью, треснула и была выброшена.

Линь Цзэюй присел на корточки и присмотрелся. Он понял, что эта новорожденная личинка насекомого все еще слабо дышала. Она немного походила на железную мошку, в длину достигала всего сантиметров десяти и казалась нелепо крошечной в скорлупе диаметром около тридцати сантиметров.

Ее голова была черной, переднегрудь и спинку покрывал короткий черно-бурый пушок, налипший из-за остатков околоплодной жидкости на панцирь; брюшко и крылья имели черно-бурый оттенок, причем на поверхности и краях крыльев тоже виднелись короткие ворсинки. Бурые усики слегка подрагивали — у самок насекомых антенны усыпаны редкими короткими волосками, — а шесть суставчатых лапок четко выделялись, хотя передние конечности были совсем коротенькими.

Эта новорожденная личинка насекомого была настолько слаба, что признаки ее жизни едва теплились. Она крепко зажмурила глаза, и ее хрупкое тело безмолвно кричало о тех невзгодах, что выпали на ее долю сразу по приходе в этот мир.

Несмотря на удручающую обстановку, эта крошечная жизнь все же отчаянно боролась за выживание. Своим слабым дыханием она доказывала собственное существование и глубоко тронула сердце Линь Цзэюя: она выглядела точь-в-точь как он сам, когда только-только попал в

этот незнакомый мир.

В этот момент он услышал, как Отец-носитель Вален и стража зовут его. Громко отозвавшись, он бережно прижал скорлупу к груди. Вскоре Линь Цзэюй увидел бегущего к нему Отца-носителя: усики, обычно спрятанные в волосах, от волнения торчали торчком.

— Сайлин! Я же велел тебе не уходить из поля моего зрения, неужели ты забыл? — отчитал его Вален, и от гнева его зрачки сузились.

— Прости, Отец-носитель, я больше так не буду.

Мягкий детский голосок, присущий только личинкам, лишил Валена возможности продолжать отчитывать малыша. К тому же он и так баловал Линь Цзэюя, поэтому в конце концов мог лишь нахмуриться и с беспомощной досадой уставиться на него. Только теперь он заметил скорлупу, которую Линь Цзэюй прижимал к груди.

— Это еще что?

— Скорлупа, — Линь Цзэюй поднял глаза на Отца-носителя и робко спросил: — Можно я заберу его с собой? Вален посмотрел на личинку насекомого перед собой — такую слабую, что её можно было раздавить одним пальцем, — и холодно произнес:

— Он рано или поздно умрет!

Линь Цзэюй опустил взгляд на малыша, прижатого к груди.

— Но он же сейчас жив! Он очень сильный, я буду заботиться о нем, Отец-носитель, позволь мне забрать его домой, умоляю тебя, Отец-носитель!

Встретившись с умоляющим взглядом Линь Цзэюя, Вален не смог отказать и, массируя переносицу, сдался:

— Забирай!

Линь Цзэюй безумно обрадовался, но, заметив позади Отца-носителя Кэю с лицом, сплошь покрытым синяками и ссадинами, улыбка на его лице постепенно увяла. Будучи сообразительным, он быстро понял, что эти травмы — из-за него.

— Дядя Кэя, прости, я больше не буду убегать куда попало.

Кэя погладил его по волосам и, кривя разбитый до крови рот, улыбнулся:

— Ничего страшного.

Проводив взглядом удаляющегося Валена, он тихо добавил Линь Цзэюю:

— В следующий раз я тайком возьму тебя погулять.

Линь Цзэюй кивнул, робко улыбнулся и ничего не ответил. С тех пор он больше никогда не

выходил из дома без ведома Валена. Он не хотел, чтобы из-за него страдали другие, и прекрасно понимал, насколько опасен он, будучи самцем, на этой хаотичной планете.

Вернувшись, он бережно опустил личинку насекомого в теплую воду и, поддерживая её, смыл с тела слизь, согрев замерзшие конечности. Затем он раздобыл питательную жидкость, которую личинки способны усваивать, и аккуратно покормил малыша прямо в ротовой аппарат. Однако личинка не шевелилась: если бы не биение сердца, ощущаемое подушечками пальцев, Линь Цзэюй решил бы, что она уже мертва.

К счастью, после еще нескольких попыток мощная воля к жизни заставила личинку наконец начать есть. Когда бутылочка с питательной жидкостью опустела, Линь Цзэюй с улыбкой держал личинку на ладони, разглядывая пушистый крошечный пушок на её теле.

Через некоторое время личинка с трудом открыла глаза. Они были затянуты тончайшей, почти прозрачной голубой пленкой, словно невесомая кисейная занавесь покрывала поверхность глазных яблок. Личинка сосредоточенно и пристально уставилась на Линь Цзэюя. В этот момент Линь Цзэюй услышал стук собственного сердца и почувствовал слабое биение сердечка личинки. Их ритмы постепенно сровнялись, словно между ним и этим крошечным существом возникла какая-то особая связь.

Эта неуловимая динамика делала те глаза еще более чарующими — казалось, они обладали неизъяснимой магией, невольно приковывавшей к себе внимание.

Линь Цзэюй нежно посмотрел на личинку насекомого и тихо произнес:

— Отныне ты — мой младший брат. Твое имя Гоэн, мой младший брат Гоэн!

Под заботливым присмотром Линь Цзэюя Гоэн постепенно пошел на поправку. Его жизнестойкость оказалась невероятно сильной, будто он заявлял всему миру о своей негибимой воле. Это пробудило у Валена глубокий интерес к нему, и когда в возрасте пяти лет Гоэн полностью завершил трансформацию, Вален забрал его к себе для тренировок вместе с другими личинками насекомых возрастом за десять лет.

Если не считать времени тренировок, когда Гоэна не было рядом с Линь Цзэюем, всё остальное время он неотступно находился подле него, преданно глядя на него. Даже по ночам, когда Вален строго-настрого запрещал ему липнуть к Линь Цзэюю, он упрямо сворачивался калачиком у дверей комнаты Линь Цзэюя в ожидании первого взгляда, который тот бросит на него, словно с самого момента своего пробуждения в его мире существовал только Линь Цзэюй.